

УДК 316.1

С. А. ШАВЕЛЬ,
ДОКТОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МИНСК)

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОЦИУМА

Рассматривается природа феномена социологического воображения, его гносеолого-креативная функция. Дается анализ продуктивного воображения в работах И. Канта, в теории идеального типа М. Вебера, в трудах таких социологов, как Г. Спенсер, Т. Парсонс, Ч. Р. Миллс, П. Штомпка, П. Бергер. Социологическое воображение анализируется как ключевой фактор изобретательности, проницательности и инновационности научного мышления социолога.

Ключевые слова: представления; воображение; социум; изобретательность; дисциплинированная фантазия; эвристика; призвание; антиципация.

Considered is the nature of the sociological imagination as a phenomenon and its gnosiological-creative function. The productive imagination suggested in the works by I. Kant, in M. Weber's ideal type theory, in works of such sociologists as H. Spenser, T. Parsons, C. W. Mills, P. Sztompka, P. Berger is given analysis to. Sociological imagination is analyzed as a key factor of inventiveness, perspicacity and innovative character of a sociologist's scientific thinking.

Key words: ideas; imagination; society; inventiveness; disciplined fantasy; heuristics; calling; anticipation.

Постановка проблемы

Воображение – одно из важнейших междисциплинарных понятий, выполняющее в науке многие эвристические, когнитивные, изобретательные, образовательные, коммуникативные, виртуализационные и другие функции. Психологи определяют воображение как «психический процесс, заключающийся в создании *новых* образов (представлений) путем переработки материала восприятий и представлений, полученных в предшествующем опыте»¹. Заметим, что в данной дефиниции, на наш взгляд, сделан чрезмерный акцент на новизну. Безусловно, она имеет место, но воображение не только создает, но и обрабатывает представления, в том числе и в таких формах (даже в науке), как перекомбинация, модификация, аналогия, умное подражание и т. д. Например, скромный английский историк Д. Соммервелл переработал многотомный труд А. Тойнби «Этюды по истории» («A Study of Hystory») в два тома без ведома автора и мыслей о возможной публикации – по его словам, только для собственного удовольствия. Рукопись поразила даже самого А. Тойнби, а изданная книга приобрела необычайную популярность². Вряд ли можно сомневаться, что Д. Соммервеллу понадобился не только текст Тойнби, но и собственное воображение. Не случайно обозреватель К. Бринтон заметил: «Хорошо, если бы другим плодовитым авторам – и прежде всего К. Марксу (можно добавить, пожалуй, также О. Конта, М. Вебера, Т. Парсонса, П. А. Сорокина и др. – С. Ш.) – кто-нибудь сослужил такую же добрую службу»³.

Воображение играет первостепенную роль и во всех видах искусства. Приведем для примера слова Даниила Андреева о М. Ю. Лермонтове. Он пишет: «Миссия Лермонтова – одна из глубочайших загадок нашей культуры. С самых ранних лет – неотступное чувство собственного избранничества, феноменально раннее развитие *бушующего, раскаленного воображения* и мощного холодного ума; наднациональность психического строя при исконно русской стихийности чувств»⁴. Кстати, воображение

и самого Д. Л. Андреева было высочайшим, но его видения были для него «подлинной реальностью, и в этом отличие “Розы Мира” хотя бы от “Властелина колец” Толкиена или других сознательно вымышленных миров»⁵.

К настоящему времени исследовательское поле в данной области заметно расширилось, появились работы о воображаемых сообществах, национальном воображении и др.⁶ Новое информационное пространство, утверждение виртуальной реальности потребовали заметной активации воображения не только на высших этапах – наука, программное обеспечение, информационные технологии, – но и в сфере повседневности, в быту. Сложнее, но и актуальнее становятся проблемы прогнозирования будущего, где традиционной методике экстраполяции должна помочь игра воображения.

Огромную значимость приобретает проблема, которую, используя выражение И. Канта, можно назвать фасцинирующими средствами и приемами воображения. Имеется в виду все то, что пробуждает, развивает, поддерживает и вдохновляет конструктивное воображение. И. Кант писал: «Изменчивые, приведенные в движение образы... – например мерцание огня в камине или капризные пенящиеся струйки ручья, катящегося по камням, даже музыка – могут привести в такое настроение... что мышление становится не только более легким, но и более оживленным, поскольку оно нуждается в более напряженном и более продолжительном воображении, чтобы дать материал своим рассудочным представлениям»⁷. Здесь очень тонко, со вкусом отмечены некоторые внешние влияния, которые пробуждают воображение; мимоходом замечено, что оно дает материал для рассудка, т. е. для дискурсивного, логического анализа. Вместе с тем в составе представлений, которыми оперирует воображение, значительную часть составляют те, что восходят к идеям или к полученным в процессе обучения знаниям, а не только к чувственным восприятиям. Школьник, усвоивший теорему Пифагора, оперирует этой идеей в своем представлении, как своей собственной.

Однако А. Эйнштейн утверждал: «Фантазия выше знания»⁸. Судя по общей интенции великого физика, он хотел акцентировать следующее: опора на имеющееся знание, даже при полной востребованности, это путь в сторону репродуктивного воспроизводства, в то время как наука, искусство, все сферы и институты общества для успешного развития требуют обновления, а значит, новых разработок, прорывов, открытий, инновационных подходов на базе перманентно фасцинирующегося воображения. Интересно, что подобную мысль высказывал еще Аристотель, ставя на первое место проницательность как способность быстро находить средний термин (посылку) силлогизма⁹.

Парадоксальная мысль А. Эйнштейна, как и его формула $E = mc^2$, приобрела сегодня сверхмощное значение, и фасцинирование (формирование) воображения выдвинулось в число главных приоритетов современности.

Тема социологического воображения, как считал Ч. Р. Миллс (1915–1962), имеет прямое отношение к призванию социолога в его веберовском понимании¹⁰. Социологу воображение необходимо не только, как иногда думают, для творческой работы, в которой высок уровень функции прогнозирования, но и для описания и объяснения (интерпретации) социальных фактов. Самые, казалось бы, простые социологические данные о настроениях людей, их удовлетворенности жизненной ситуацией, ожиданиях, мотивах выбора профессии или товара, готовности участвовать в голосовании и т. п. невозможно объединить механически и представить как аналитический вывод, не включая в полной мере воображение, «питающееся» из двух источников: а) эмоционально-чувственных восприятий; б) представлений интеллектуального уровня, приобретаемых и пополняемых путем обучения.

Кроме того, важно помнить глубокую мысль Г. Спенсера о том, что без конструктивного воображения нет завершения духовного развития. Для совершенствования социологического воображения полезны упражнения, повышающие чувствительность восприятий, такие как агглютинация – образование производных слов, построение рядов ассоциаций, выявление корреляционных и других связей. «Для воображения, – по словам И. И. Лапшина, – необходима сильная от природы и правильно организованная путем систематического упражнения память. Такая память обеспечивает яркость комбинируемых образов и отчетливость комбинируемых мыслей»¹¹. Для поддержания и укрепления памяти автор советует «периодически делать синопсис (смотри) своим идеям». Ч. Р. Миллс в своих рекомендациях социологу на первое место ставит ведение журнала, записей. «Ведя записи надлежащим образом и тем

самым развивая навыки саморефлексии, вы будете учиться поддерживать свой внутренний мир в состоянии бодрствования»¹². Поскольку большая часть социологической работы – это анализ и синтез идей, необходимо тренировать воображение для их улавливания, отбора, мысленной комбинации, неожиданного сочетания. В связи с этим для выработки проницательности (по совету еще Аристотеля) полезно решение социологических задач – синектики, «мозгового штурма», построения идеально-типических конструкций (в духе М. Вебера) и др. Нельзя не согласиться с призывом Ч. Р. Миллса к молодым социологам: «Будьте мастерами своего дела. Избегайте установленных жестких процедур. Прежде всего старайтесь развивать и применять социологическое воображение»¹³. А для этого необходимо иметь более полное представление о природе и функциях данного феномена.

Гносеолого-креативная функция воображения

В гносеологии, а также в логике и психологии традиционно выделяются две ступени познания: чувственная и рациональная. Первая включает ощущения, восприятия и представления; вторая – понятия, суждения и умозаключения. В сложном познавательном процессе нас больше всего интересуют представления, ибо они главным образом и составляют материал, которым оперирует воображение. Сложность понимания и интерпретации представлений состоит в том, что они являются переходным звеном от чувственной ступени (восприятий) к рациональной (абстрактному мышлению), и эти представления связаны между ними, благодаря чему познание оформляется и функционирует как система. Кроме того, определенную загадочность представлениям дают следующие особенности: а) представления возникают и без присутствия предмета (эту способность созерцания отсутствующего предмета И. Кант прямо отнес к воображению)¹⁴; б) могут находиться в глубинах памяти, а значит, воспроизводить образы и события прошлого.

Как возникают представления? На чувственной ступени познания исходным анализатором является ощущение, несущее сингулярные (одиночные) сведения об одном из признаков предмета, получаемые от единственного рецептора одного из органов чувств. Скажем, если с закрытыми глазами прикоснуться к насту, можно узнать только то, что предмет холодный. Но на уровне восприятий, когда включаются все органы чувств, становится ясно, что предмет (снег) не только холодный, но и белый, скользкий, водянистый, имеющий свой вкус и запах. Восприятия дают комплексную, хоть в основном внешнюю, характеристику предмета по доступным для восприятия признакам. Если предмета в наличии нет, то его образ, представление о нем создается двумя путями: 1) извлечением из памяти прошлого опыта, например воспоминанием о зимних играх, катании на лыжах, санках и т. п.; 2) конструктивным воображением на основе комбинации тех или иных доступных сведений, а также полетом свободной фантазии о том, каким бы мог быть данный предмет (явление).

На второй ступени чувственные представления переходят в понятия. Это хорошо видно на примере обучения детей счету в уме. Осуществляется данная процедура сугубо предметно: с помощью палочек или иных наглядных объектов дети осваивают понятие числа как количественного измерения предметов (тех же палочек) и операции с ними – сложение, вычитание и т. д. Использование понятий, т. е. переход к абстрактному мышлению, расширяет поле воображения. В него включаются такие явления, которые трудно или невозможно выразить чувственно, путем перебора внешних признаков (в социологии, например, социализация, идентичность, интернализация и др.), появляются качественный анализ связей, отношений, суждений, логика силлогизмов и др. Применительно к роли социологического воображения сохраняют свое значение следующие слова К. Маркса: «При анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракций»¹⁵. Сила абстракции – это также и проницательность, изобретательность комбинационной способности воображения, оперирующего всеми доступными интеллектуальными представлениями о социальной реальности – как преобладающими, так и вновь создаваемыми.

Воображение работает по схеме «диссоциация – ассоциация». И. И. Лапшин пишет: «Оригинальный мыслитель диссоциирует привычные связи мыслей. Он разрушает кажущееся сходство явлений А и В и вскрывает более глубокое внутреннее сходство между, по-видимому, совершенно несходными явлениями С и Д»¹⁶.

Диссоциация, т. е. разделение, расчленение, есть начальный этап человеческого мышления, необходимый для получения более дробных частей, элементов и проведения их углубленного анализа. Такое суждение имеет самостоятельное значение, особенно в логике деления понятий, классификации, систематизации и др. Но не менее важно и то, что всякая диссоциация порождает новые ассоциации выделенных элементов, а значит, как отмечал И. Кант, fasciniрует (побуждает) воображение. В качестве примера fasciniрующего действия И. Кант приводит адвоката, имевшего привычку, произнося речи, наматывать на палец ниточку. Однажды адвокат противной стороны, большой хитрец, вытащил у своего оппонента из кармана эту нитку, что привело последнего в крайнее замешательство: он говорил чистый вздор; про него и сказали, что он «потерял нить речи»¹⁷.

Способность воображения в «Антропологии» И. Канта

В мировой философской литературе термин «воображение» используется широко и повсеместно. Однако чаще всего имеется в виду или обыденное понимание воображения как фантазии, грезы и т. п., или наглядная презентация предмета (явления) в символической форме (модели, схемы, чертежи), или же стремление передать семантику метафорически с помощью иных слов и понятий, таких как «интуиция», «мнемоника», «эмпатия» и т. д. Такая вариативность заметна даже у ряда авторов, посвятивших свои работы исследованию творчества (А. Бергсон, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков и др.), т. е. той области, в которой воображение играет первостепенную и решающую роль. Без воображения невозможна антиципация (способность предвосхищения еще не совершившихся событий или будущих результатов предполагаемого действия); нельзя построить идеал как образ (результат воображения) цели деятельности объединенных вокруг общей задачи людей; нельзя вести инновационный поиск, изобрести нечто новое в науке, искусстве, других сферах жизни. Способность воображения – атрибутивная характеристика самой человеческой природы, выделяющая его из животного мира. Имея в виду эту способность, К. Маркс писал: «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей – архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально. Человек отличается от пчелы не только тем, что изменяет форму того, что дано природой: в том, что дано природой, он осуществляет в то же время и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинить свою волю»¹⁸.

В связи со столь важной ролью воображения в человеческом познании и деятельности изначально существовала потребность в глубоком философском анализе данного явления. Одним из тех, кто предпринял усилия в этом направлении, был родоначальник немецкой классической философии Иммануил Кант (1724–1804). Особенность его подхода, благодаря которой он сохраняет определенное эвристическое значение до наших дней, состоит в том, что философ попытался соединить гносеологические, антропологические, психологические и эстетические («суждения вкуса») воззрения на данную проблему. В известной работе посткритического периода «Антропология с прагматической точки зрения» (1798) он посвящает воображению отдельный раздел, наряду со многими интересными замечаниями в других местах, особенно в «Критике способности суждения» (1790). Судя по контексту, И. Кант стремился выйти за пределы общих деклараций, раскрыть структуру воображения, показать его место в ряду познавательных и мотивационных категорий, отметить возможность ошибок и заблуждений, оценить средства, помогающие ситуативно повысить или развить способность воображения.

По определению И. Канта, «воображение (лат. *facultas imaginandi* – возможность воображения) есть способность созерцаний и без присутствия предмета»¹⁹. Встречается также понимание воображения «как способности к априорным созерцаниям»²⁰.

И. Кант разделил воображения на четыре вида, сохраняющиеся, кстати, и в современной психологии: а) продуктивные; б) репродуктивные; в) произвольные; г) непроизвольные. Продуктивным, по И. Канту, является воображение «первоначального предмета, которое предшествует опыту. Сюда относятся «чистые» (т. е. априорные. – С. Ш.) созерцания пространства и времени; все остальные предполагают эмпирическое

созерцание, которое, если оно связывается с понятием о предмете и, следовательно, становится эмпирическим познанием, называется *опытом*»²¹.

Репродуктивным воображением является производное от имеющегося в душе, прежде эмпирического, созерцания, которое и воспроизводится. Произвольное (активное) воображение требует некоторых психологических усилий от человека. При высоком уровне творческой деятельности воображение сознательно направлено на решение инновационной задачи поискового типа.

Непроизвольное воображение не зависит от человека (сновидения) или зависит в незначительной степени в состоянии бодрствования (грезы и пр.).

Помимо этой классификации, И. Кант широко использует метафорические названия данного явления, оттеняя с помощью эпитетов характерные особенности того или иного воображения. Так, он выделяет воображения *воссоздания* – восстановление образа по описанию, рисунку и т. д.; *символические* – оперирующие символами; *блуждающие* – перескакивающие в разговоре с одной темы на другую; *ассоциативные* – по логике ассоциаций: сходство, смежность, причины; *мнемические* – основанные на воспоминаниях; *конструктивные* – связанные с построением образов, созданием композиции в искусстве; *рефлектирующие* – анализ собственных состояний и переживаний, хода дел, достижимости целей, адекватности путей и средств их реализации и т. д.; *прогностические* – направленные на будущее; *мечтательные* – формирование желательного, хотя и несколько отдаленного, состояния, образа; воображения типа *Als ob* – «как если бы»; *идеальные* – направленные на создание идеала, например красоты, гармонии, справедливости и пр.

И. Канту в его понимании воображения не всегда удается добиться строгости и ясности употребляемых терминов, которые особенно важны в такой работе, как «Антропология», уже потому, что она адресована широкому кругу читателей, т. е. всем и каждому. Так, в толковании продуктивных воображений появляются некоторые противоречия. С одной стороны, он вновь и вновь доказывает, что такие воображения не могут быть творческими: «Хотя воображение, – пишет И. Кант, – великий художник, более того, волшебник, тем не менее оно не имеет творческого характера, а всегда должно заимствовать *материал* для своих порождений из чувств»²². Это утверждение вполне в духе сенсуализма Д. Локка с его тезисом о том, что в уме не может быть ничего, чего бы не было в чувствах; на что его современник Г. Лейбниц остроумно возразил: кроме самого ума. Так и у И. Канта: воображения получают данные органов чувств, обрабатывают их, не создавая при этом ничего нового. «Продуктивное воображение – в его толковании – все же не бывает творческим, т. е. способным породить такое чувственное представление, которое до этого *никогда* не было данным нашей чувственной способности; всегда можно доказать, что для такого представления материал уже был... желтый и синий цвет, смешиваясь, дают зеленый цвет, но воображение никогда не могло бы породить ни малейшего представления об этом цвете, если бы мы не видели его смешанным»²³. И. Кант, кажется, не задумался над тем, что когда-то смешение цветов было проведено впервые: случайно ли, перебором проб, а может быть, и проективным воображением, если того требовала практика.

С другой стороны, И. Кант утверждает, что художник, прежде чем представить телесную фигуру осязаемо, должен изготовить ее в своем воображении. «Тогда эта фигура есть творчество, которое, если оно непроизвольно (например во сне), называется *фантазией*, если же оно управляется волей, оно называется *композицией*, *изображением*»²⁴. Здесь И. Кант подошел к центральному пункту понимания воображения: не только как психического процесса, но и в широком инновационном плане. Продуктивное воображение присуще лишь человеку, и оно должно не только создавать новые образы (представления) в сознании, но и при благоприятных условиях вести к изображению, по крайней мере, поддерживать, стимулировать поиск в таком направлении, хотя бы ассимилировать и реализовывать чужие проекты. В этом и состоит его высшее сознательное предназначение, что непосильно так называемым чистым формам, в том числе и чистому разуму, как это показал сам И. Кант на примере антиномий чистого разума²⁵.

Применительно к науке справедливы следующие слова А. Эйнштейна: «Сформулировать проблему гораздо важнее, чем решить ее; последнее, скорее, зависит от математических или экспериментальных навыков. Для того чтобы задать новый вопрос, открыть новую возможность, посмотреть на старую проблему с новой точки зрения, необходимо иметь творческое воображение, и только оно движет науку

вперед»²⁶. И. Кант во всех своих работах проявил блестящие образцы такого воображения, однако ему, видимо, изменила интроспекция (самонаблюдение), ибо в данном случае он не углубился в проблематику изобретения, сосредоточившись на важных, но более периферийных аспектах рассматриваемой темы. Уже то, что он, говоря об изобретении, ссылается на художника, а не на ученого, политика и др., показывает, что творческий пафос первого кажется ему наиболее очевидным. Но здесь же, противореча себе, он заявляет: «Если же он (художник. – С. Ш.) изготавливает по образцам, которые не могут встречаться в опыте, то они называются причудливыми, неестественными, карикатурными... Мы часто и охотно играем воображением, но и воображение (в виде фантазий) также часто, а иногда и весьма некстати, играет нами»²⁷. Противоречие здесь в том, что произведение, выполненное по образцам (которые встречаются в опыте), трудно бывает отнести к изобретениям, а не к репродукциям. К тому же отождествление воображения с фантазией, встречающееся и сегодня в некоторых психологических работах, нельзя признать корректным. Формально они похожи, поскольку оперируют представлениями, но фантазия свободна от любых ограничений, в том числе и от законов науки (гравитации, сохранения энергии и пр.), поэтому легко создает Perpetuum Mobile, новые источники энергии, гиперboloиды и тому подобное и чаще всего этим занимается. В то время как воображение, о котором говорил А. Эйнштейн, ограничено уровнем знания, ресурсов и других возможностей, имеет определенные цели и решает те задачи, которые служат достижению этих целей, требует огромных волевых, интеллектуальных и иных усилий.

Научное воображение отличается от фантазии по крайней мере в одном, но решающем пункте – оно методически дисциплинировано. В силу этого профессионал не станет изобретать вечный двигатель, не займется темами из области лженауки – он знает, что они табуированы, понимает причины этого и осознанно поддерживает такие запреты и ограничения. И. Кант своим сближением, почти отождествлением фантазии и воображения ушел от анализа изобретательства, ограничившись только постановкой вопроса. Спустя некоторое время эту линию в философии продолжили другие, в числе которых особенно выделяется русский философ И. И. Лапшин (1870–1952), автор известной работы «Философия изобретения и изобретение в философии».

У И. Канта по данной теме можно выделить следующие положения.

1. *О возбуждении или сдерживании воображения.* Автор называет различные вещества – яды, грибы, напитки и пр., влияющие на воображение, показывает последствия их использования, отмечает позитивное воздействие таких, казалось бы, не заслуживающих внимания источников, как огонь в камине, пенящиеся струи ручья, музыка и др. Преувеличенное восхваление, отмечает И. Кант, особенно заранее, до знакомства с объектом, вызывает не усиление, а ослабление воображения – в силу некоторого разочарования. Эта мысль весьма подходит к практике современной рекламы с ее завышенными оценками и бесконечным повторением по телевидению, радио и в прессе. Здесь же приводится пример о потерянной нити речи, который упомянут нами выше. И. Кант пишет, что в силу выработанной привычки внимание не рассеивается посторонними ощущениями, «но воображение может при этом тем лучше продолжать нормально действовать»²⁸. Отсюда можно сделать вывод о пользе правильных привычек для стимулирования воображения.

2. *О видах чувственной способности к творчеству.* И. Кант выделяет три вида чувственной способности к творчеству: это изобразительная (пластическая), ассоциирующая и способность сродства.

Изобразительная способность (imagination plastica) есть изображение предмета в пространстве по представлениям воображения. И. Канта особенно заботит качество воображения. «Причудливые вымыслы, – по его словам, – представляют собой как бы сновидения бодрствующего человека»²⁹. И. Кант имел в виду художников и уже тогда предостерегал от опасности перверсивного (извращенного) уклона в свободной игре воображения. Увы, современное искусство не прислушивается к великому мыслителю. Причудливые вымыслы с доминированием сексуальных и танатологических мотивов стали модой, приобрели безумную коммерческую цену, многократно превзошли то, что И. Кант называл естественными, т. е. идущими от жизненного опыта, представлениями. Здесь же мы находим оригинальные мысли автора о сновидениях. По его мнению, они восстанавливают жизненные силы человека своим воздействием на организм. Он пишет: «Жизненная сила, если бы она

постоянно не возбуждалась сновидениями, совсем бы угасла, и очень глубокий сон обязательно приводил бы к смерти»³⁰. Вместе с тем И. Кант, вопреки сонму толкователей сновидений, категорически против того, чтобы принимать их за откровения из какого-то невидимого мира.

Ассоциирующая способность есть созерцание во времени (*imaginatio associans*). Возможно, более корректно называть эту способность диахронической, поскольку она включает только последовательность ассоциаций во времени. «Закон ассоциации, – утверждает И. Кант, – гласит: эмпирические представления, часто следовавшие друг за другом, создают в душе привычку: когда появляется одно из них, вызывать и другие»³¹. Физиологическое объяснение этому требовать напрасно: выдвигаемые гипотезы не прагматичны, т. е. не применимы на практике. В то же время, если взять, например, народные приметы о погоде: это не гадания, их статистика основана на реальных последовательных наблюдениях. Конечно, это локальные наблюдения и основанные на них прогнозы могут быть близки к истине, если не происходит глобальных катаклизмов.

Способность творчества по сродству означает нахождение общего корня (начала, основания) разнородных представлений о предметах (явлениях) воображения. И. Кант объясняет химический смысл слова «сродство» как единство веществ, дающих при соединении нечто третье, но имеющее такие свойства, которые возможны только благодаря их соединению. Житейским проявлением такой способности является умение выдерживать определенную тему (до ее исчерпания), на которую нанизывается все многообразие мыслей, относящихся к ней. Здесь к чувственности присоединяется рассудок, т. е. понятийный аппарат, и ассоциация происходит сообразно с рассудком, хотя и не как исходящая из рассудка.

3. *Краткий анализ недостатков воображения*, которые, по И. Канту, «заключаются в том, что его (воображения) вымыслы бывают или просто *необузданными*, или же *нелепыми*. Последний недостаток самый худший, ибо он сам себе противоречит»³². В качестве примера И. Кант приводит ужас арабов перед каменными изображениями людей и животных в пустыне Рас-Сем (Ливия). Религиозное воображение представляет, что это проклятие превратило их в камни (первый тип вымысла) и что в день всеобщего воскресения животные зарычат и спросят у скульптора, почему он не дал им душу (второй тип вымысла). Казалось бы, все это – дела давно минувших дней. Но сравнительно свежие телерепортажи о том, как яростно талибы громили в Афганистане лучший в мире памятник Будде, говорят о другом. А вымыслы западных журналистов и политиков о причинах конфликта на Украине, о ходе боев на Юго-Востоке, о сбитом «Боинге» и т. д. требуют, по-видимому, дополнения кантовской типологии вымыслов.

4. *Память как необходимое условие творчества*. «Память, – по определению И. Канта, – отличается от чисто репродуктивного воображения тем, что она способна произвольно воспроизводить прежнее представление, что душа, следовательно, не есть только игра воображения»³³. Репродуктивным называется такое воображение, которое воспроизводит образы по уже имеющимся актуальным представлениям (образцам). Так, дети рисуют геометрические фигурки – треугольник, ромб, квадрат и др. – на основании имеющихся у них знаний; но если учитель предложит изобразить то, что они рисовали вчера, это будет обращением к памяти. Формальными достоинствами памяти являются: быстро запоминать, легко вспоминать, долго помнить.

По И. Канту, запоминание может быть механическим, изобретательным или рассудительным. Первое основывается на многократном буквальном повторении (например заучивание таблицы умножения). Торжественные тексты (присяга, молитва, клятва и др.), в которых нельзя изменить ни одного слова, представляют большую трудность даже для людей с прекрасной памятью, и они часто прибегают к шпаргалкам – из-за опасения ошибиться. Современные технические средства суфлирования, подсказки – ушные микрофоны, мониторы за кадром и пр. – существенно облегчают трудности публичного выступления, ведь ценится умение говорить от себя, а не зачитывать текст, часто подготовленный другими (спичрайтерами, помощниками и т. д.).

К изобретательному запоминанию И. Кант относит способ запечатления представлений по ассоциации. Несмотря на большую популярность данной теории, развиваемой и сегодня неоассоцианистами, И. Кант высказал некоторые сомнения в ее эффективности. Он писал: «Для того чтобы легче удержать нечто в памяти, ее еще

больше обременяют побочными представлениями; следовательно, *нелепо* сочетать то, что не может быть объединено под одним и тем же понятием, – это неправильный образ действия воображения»³⁴. Отсюда его критика всяких иллюстраций как навязывания без всякой нужды ассоциациями совершенно несходных представлений. Он иронично называет «волшебным фонарем школьного учителя» азбуку с картинками, Библию или даже пандекты (религиозные сюжеты) в картинках.

Рассудительным является запоминание «по мыслям деления системы» (например системы Линнея), когда позабытое можно восстановить, понимая логику связи звеньев в системе. Это, по И. Канту, лучший способ запоминания: рассудок помогает воображению, а воспоминания основываются на топике, т. е. определенных местах классов, которые располагаются, как книги в шкафах библиотеки. Нельзя, считал И. Кант, пренебрежительно отзываться о людях с феноменальной памятью (Пико делла Мирандола и др., из современных – известный российский мнемонист С. В. Шершевский), о полигисторах (эрудитах). Их заслуга в том, что ими собран сырой материал, хотя для его обработки нужны другие умы – с высокой способностью суждения. И. Кант приводит слова Платона: «Умение писать погубило память (отчасти сделало ее излишней)», но лишь частично соглашается с ним. По его оценке, «умение писать всегда останется превосходным искусством... оно заменяет самую обширную и самую лучшую память, недостаток которой оно может возместить»³⁵.

Таким образом, в изложении И. Канта, память абсолютно необходима для творчества. Даже механическое запоминание, например при изучении языка, расширяет возможности творчества: за счет повышения кругозора, улавливания особенностей другой страны и их ассимиляции, свободы общения и т. д. В отличие от репродуктивного воспроизводства память произвольна и селективна. Представления памяти не просто складываются и сохраняются – они подвергаются значительным изменениям, в том числе и забыванию, которое очищает место для новых, часто более актуальных представлений. И. А. Бунин на вопрос, почему он не ведет дневников, ответил: «А зачем? Все нужное остается в памяти, а ненужное уходит». Мысленная обработка «текстов» памяти, анализ и синтез с выделением существенного и второстепенного, общего и специфического ведет к переконструированию образов, переосмыслению и переоценке прошлого и возникновению новых представлений творческого воображения.

Во времена И. Канта изучение памяти находилось в зачаточном состоянии, первые попытки объективного исследования относятся к концу XIX в. Поэтому не стоит упрекать автора, если он что-то упустил, скорее следует удивиться тому, что он заметил и зафиксировал. Раньше говорили, что письменность убила память, – И. Кант это опроверг. Сегодня жалуются, что дети не знают наизусть стихотворений, что «Википедия» и прочие поисковики вытесняют память. Но ведь, как показал И. Кант, рассудительное запоминание требует иной памяти: не значений слов, а смыслов мест (топик). Даже для того, чтобы грамотно использовать все возможности мобильного телефона, необходимо помнить больше вариантов (разрядов или классов), чем в некоторых учебниках. Значит, память изменилась не по глубине или объему, а по содержанию. Дефиниции терминов запоминать не нужно, раз есть словари, но знать, где, как и быстрее найти ответы, надо назубок.

Сегодня разрешена древняя загадка: почему человек плохо помнит свое детство до трех лет, часто даже больше? Канадские ученые установили, что образование новых клеток головного мозга стирает старые воспоминания. Поскольку в раннем детстве клетки центра памяти растут очень быстро, связь между ними разрушается; в результате память о детских впечатлениях извлечь невозможно³⁶. И. Кант же называл одним из самых непримиримых врагов памяти «привычку в искусстве убивать время и делать себя бесполезным для людей, а впоследствии и сетовать на то, что жизнь коротка»³⁷. С этим трудно не согласиться.

Идеальный тип как плод воображения (по М. Веберу)

В трудах М. Вебера можно найти, пожалуй, больше, чем у других классиков социологии, того, что правомерно отнести к плодам воображения (не путать с толстовскими «плодами просвещения»). Правда, сам М. Вебер чаще всего называет и этот процесс, и его результаты фантазией. Так, он подчеркивает: «Наша фантазия, безусловно, может часто обходиться без такого точного понятийного формулирования в качестве средства *исследования*; однако для изображения, которое стремится

быть однозначным, применение его в области анализа культуры в ряде случаев совершенно необходимо. Тот, кто это полностью отвергает, должен ограничиться формальным, например историко-правовым, аспектом культурных явлений»³⁸. Речь идет о формообразовании понятий, необходимых для адекватного постижения и понимания социальных, в данном случае культурных, явлений. К этой мысли мы еще вернемся, а пока обратим внимание на употребленный автором термин «фантазия» вместо напрашивающегося по контексту термина «воображение».

Дело в том, что эти понятия близки: во-первых, они оперируют общим материалом – представлениями; во-вторых, оба способны продуцировать образы предметов (явлений), находящихся вне зоны восприятия, или, как отмечал Г. Гегель, «вызывать образы и представления, когда уже нет соответствующего им созерцания, и дают им самим по себе входить в сознание»³⁹. Акцентируя эти моменты сходства, отдельные авторы имеют в виду их синонимичность и используют понятие «воображение», добавляя в скобках слово «фантазия»⁴⁰. Последняя отличается высокой степенью свободы от многих ограничений – семантических, лексических, логических и других норм, которые регулируют продуктивное воображение.

Важнейшим вкладом М. Вебера в социологическую методологию является его концепция идеального типа. Ее правомерно было бы назвать имажинативной, т. е. созданной (изобретенной, придуманной) творческим воображением автора, однако такое словоупотребление отсутствует, главным образом из-за противоречивых интерпретаций основного термина и его производных. Между тем в социологии существуют два основных пути получения нового знания: 1) выводной, когда знание следует из анализа эмпирического материала – статистических, данных наблюдений, опросов и т. д., например причины разводов, предпочтения в выборе товаров, социальные ожидания различных групп населения и др.; 2) креативный, в котором новое знание есть плод творческого воображения (перекомбинации и синтеза множества мысленных представлений), например вывод о том, что глубинная причина разводов связана с рассогласованием взаимных ожиданий. Веберовский идеальный тип создан по второму варианту. О данной конструкции, как отмечал французский социолог Раймон Арон (1905–1983), «уже так много написано... но уступка (использование обычных терминов. – С. Ш.) не должна приводить к забвению обязанности строго определять научные понятия»⁴¹. Да, об идеальном типе написано много, но нас в данном случае интересует как раз то, что, кажется, совсем лишено внимания, – роль социологического воображения (*imagination*) в создании данной конструкции. Конечно, М. Вебер знал примеры идеализации в математике (точка – тело, не имеющее размеров) и естествознании (абсолютно упругое тело – тело, способное восстанавливать свой объем, форму и др.). Термин «идеальный тип» встречается у Э. Дюркгейма, правда, не категорично, а как аналогия, но в социологию и другие науки о культуре его ввел М. Вебер. Однако прежде чем пытаться выяснить, как он это сделал, целесообразно ответить на вопрос: зачем ему понадобилась идеально-типическая конструкция?

Сам автор отмечает: «Мы обычно имеем дело просто с особым случаем формообразования понятий, которое свойственно наукам о культуре и в известном смысле им необходимо. Нам представляется полезным характеризовать такое образование понятий несколько подробнее, так как тем самым мы подойдем к принципиальному вопросу о значении теории в области социальных наук»⁴². В этих словах мы видим изначальное введение в проблемную ситуацию, суть которой в том, что имеющиеся приемы дефинирования новых понятий представляются недостаточными или, используя любимый термин М. Вебера, «неадекватными» стоящим задачам. Далее он поясняет свою мысль: «Разве могут быть такие понятия, как „индивидуализм“, „империализм“, „феодализм“, „меркантилизм“, „конвенционально“ и множество других понятийных образований подобного рода... определены посредством беспристрастного *описания* какого-либо явления или посредством абстрагированного сочетания черт, общих *многим* конкретным явлениям? Сотни слов в языке, значение которых лишь зримо ощущается, а не отчетливо мыслится»⁴³. Неудовлетворен М. Вебер и классическим родо-видовым способом образования понятий. По его мнению, «дефиниция по схеме *genus proximus, differentia specifica* (общий род, видовые отличия), конечно, просто бессмысленна»⁴⁴. Нет сомнения, что многие социологические понятия таким образом не определимы, поэтому широко используются приемы, сходные с определением, описанием, характеристиками, дефинициями через отрицание и т. д. Справедливо указано в одном из учебников: «В логике и эпистемологии до сих пор

не было точного и до сих пор нет общепризнанного определения самого термина "определение", а это значит, не ясно, что имеется в виду под данным термином, и все разговоры в таком случае могут превращаться, по словам одного мыслителя, в "шелуху слов" вместо мыслей⁴⁵. Таким образом, постановку проблемы М. Вебером можно признать актуальной не только для его времени, но в определенном смысле и для сегодняшнего дня. Важно отметить, что на этом этапе воображение автора направлялось на выделение приемов образования понятий (по возможности всех имеющихся приемов), перекомбинацию их элементов, синтезирование с выходом на новый, до сих пор не используемый или осмысленно не освоенный вариант.

Что же такое идеальный тип и как он конструируется? Идеальный тип представляет собой имажинативный (созданный воображением) мысленный конструкт (понятие или систему), выражающий исследуемый фрагмент социальной реальности в его индивидуальном своеобразии, логической непротиворечивости и смысловой адекватности (рациональности). М. Вебер подчеркивает: «Подобные понятия являются собой мысленные конструкции; в них мы строим, используя категорию объективной возможности, связи, которые наша ориентированная на действительность, научно дисциплинированная *фантазия* рассматривает в своем *суждении* как адекватные»⁴⁶. Как видим, здесь прежде всего акцентируется объективная возможность, а это значит, что в проектируемой конструкции не должно быть ничего, что в изучаемых обстоятельствах места и времени для нее невозможно. Например, в идеальном типе средневекового городского хозяйства не может быть централизованного теплоснабжения, очистных полей аэрации сточных вод, не говоря уже о таксопарках или аэродромах.

«По своему содержанию, – замечает М. Вебер об идеальном типе, – данная конструкция носит характер *утопии*, полученной посредством мысленного усиления определенных элементов действительности»⁴⁷. Термин «утопия» дезориентирует многих интерпретаторов текста, использующих уничижительный вариант данного термина, возникший после выхода книги писателя и канцлера Англии Томаса Мора «Утопия» (1516), т. е. «место, которого нет», иначе говоря, иллюзия, несбыточная мечта, неосуществимое пожелание или просто бред. Ретроспективно к утопистам отнесли всех тех, кто выдвигал проекты «идеального общества», в том числе Платона, Протагора, Ксенофонта, Лао Цзы, Шан Яна, многих христианских мыслителей, позже Т. Кампанеллу, Ф. Бэкона, Р. Оуэна, Ш. Фурье и других, вплоть до трактата И. Канта «К вечному миру» (утопия?) и социальных романов А. А. Богданова. Сегодня все чаще звучат мнения о необходимости реабилитации утопии, выделения из ее обывательского понимания тех проектов, которые остались втуне не потому, что противоречили законам науки, общественной морали или природе человека, а по социально-политическим условиям своего времени. Не случайно Р. Арон использовал термин «ухрония» – время, которого нет, – позволяющий описывать вневременные связи, например корреляционные и др.

Нетрудно заметить, что если в приведенном тексте М. Вебера слово «утопия» заменить одним из его нарицательных значений, скажем, словом «иллюзия», то вместо вполне определенного суждения получится чистый оксиморон, типа «жареный лед». Следовательно, М. Вебер под утопией имел в виду не ее расхожее значение, а только имажинативную идею, т. е. созданный воображением образ или проект. При таком понимании все становится на свои места: идеальный тип образуется путем усиления антецедентов (уже имеющихся значимых признаков того фрагмента действительности), которые выделяются в качестве предмета социологического исследования. В свете этого понятно, что априорными в идеальном типе могут быть не содержательные компоненты, а только те нормы – логические, семантические, методологические и пр., – которые регулируют познание и изобретательную направленность воображения.

Упор отдельных авторов на том, что идеальный тип – только вспомогательный инструмент познания действительности, представляется несколько двусмысленным. Если вспомнить пример К. Маркса о том, что плохой архитектор отличается от хорошей пчелы тем, что сначала он строит дом в голове, т. е. идеально, то нельзя не признать эвристичность сравнения. Более того, человек отличается не только от пчелы, но и от всех животных наличием воображения. Однако возникает вопрос: как быть, если архитектор построил дом с отопительными батареями внутри стен и половина тепла обогревает улицу? М. Вебер, по-видимому, сказал бы, что нарушена логика построения идеального типа дома: главные атрибутивные признаки, такие

как тепло- и энергосбережение, экономичность, принесены в жертву внутреннему интерьеру, в частности гладким, без навесных батарей, стенам, что в наших климатических условиях недопустимо. Может быть, он добавил бы, что такой архитектор ниже пчелы, поскольку отопление, как и вентиляция в ульях, устроено именно идеально. А это значит, что правильное конструирование подобных идеальных типов из вспомогательного средства становится центральным. То же можно сказать и об идеальном типе руководителя капиталистического предприятия. М. Вебер утверждает, что следует иметь в виду не среднего, а именно типичного менеджера или директора. Но идеальный тип создается не путем обобщения, скажем, тестовых показателей IQ, ригидности и т. п., чем занимаются психологи, а путем имажинативной рационализации. Социолог может создать такой образ (портрет) на основе анализа биографических данных и должностного пути, экспертных оценок, общественного мнения и т. д. и, сравнивая реальные портреты с идеальным типом, помогать избавляться от недостатков, развивать достоинства, одним словом, правильно решать задачи подбора соответствующих кадров. Понятно, что это формализованная процедура. Но она противостоит разным приблизительным методам (проб и ошибок) или полуполюгальным (кумовство, синекура и т. п.). «Конечно, — замечает Р. Арон, — чтобы выявить то, что отличает руководителей капиталистических предприятий друг от друга, прибегают к преувеличению признаков "идеального типа". С другой стороны, пренебрегают случайным. Но индивиды должны более или менее представлять собой качества, которые необходимы для понимания термина»⁴⁸. Имеется в виду, что каждый руководитель должен знать свое дело, уметь ладить с людьми, обеспечивать прибыль, рентабельность, конкурентоспособность — все это атрибутивные признаки идеального типа, а вот игра в гольф, шахматы или увлечение альпинизмом — это случайное, чем можно пренебречь.

В работе «Основные социологические понятия» М. Вебер приводит пример, демонстрирующий, как должен использоваться идеальный тип. Он обращается к австро-прусской кампании 1866 г., ставшей решающим шагом на пути к объединению Германии в единое государство в 1871 г. Этот пример исторический, но он вполне понятен и нагляден. «Необходимо, — подчеркивает М. Вебер, — сначала (мысленно) установить, как в случае идеальной целерациональности расположили бы свои войска Мольте (Пруссия) и Бенедикт (Австрия), если бы каждый из них был полностью осведомлен не только о той ситуации, в которой находился он, но и о ситуации противника. Затем с этой конструкцией сравнивается фактическое расположение войск в упомянутой кампании, чтобы посредством такого расположения каузально объяснить отклонение от идеального случая, которое могло быть обусловлено ложной информацией, заблуждением, логической ошибкой, личными качествами полководца или нестратегическими факторами. Таким образом, и здесь (латентно) используется идеально-типическая конструкция»⁴⁹.

Как видим, здесь, как и во всех других случаях, идеальный тип выполняет свою главную эвристическую функцию, можно сказать, предназначение, ради которого он создан, а именно — быть своего рода образцом, эталоном, стандартом, относительно которого измеряются и оцениваются те явления, которые избраны социологом в качестве предмета исследования; тем самым анализ становится внутренне компаративным, не требует обязательного обращения (для соизмерения) к другим кросс-культурным данным, а главное — расширяется комбинационное поле воображения и работа приобретает столь необходимые в науке оригинальность, новизну. Здесь же М. Вебер подчеркивает: «В социологическом исследовании, объектом которого является конкретная реальность, необходимо постоянно иметь в виду ее отклонения от теоретической конструкции; установить степень и характер такого отклонения — непосредственная задача социологии»⁵⁰. Идеальный тип, в отличие от оценивающих суждений, индифферентен, он не имеет ничего общего с каким-либо видом перфекционизма, кроме чисто логического совершенства. «Есть, — пишет М. Вебер, — идеальные типы борделей и идеальные типы религий, а что касается первых, то могут быть идеальные типы таких, которые с точки зрения современной полицейской этики технически "целесообразны", и таких, которые прямо противоположны этому»⁵¹.

Говоря об образовании идеальных типов, М. Вебер предостерегает против понимания этого процесса как «просто забавы» или «чистой игры мыслей». «Существует лишь один критерий: в какой мере это будет способствовать познанию конкретных явлений культуры в их взаимосвязи, в их причинной обусловленности и *значении*. Тем самым в образовании абстрактных идеальных типов следует видеть

не цель, а *средство*»⁵². Действительно, он много сил потратил на то, чтобы выработать строго научное понятие «западный капитализм». Еще в книге «Протестантская этика и дух капитализма» выделялись такие признаки, как: а) рациональная организация производства и всех сфер жизни (рационализм – судьба западного мира); б) труд на крупных предприятиях; в) отделение работы от домашнего очага; позже он называл и другие признаки: получение прибыли, дисциплинирование и т. д. Но вот его заявка на создание идеального типа капиталистической культуры, в чем проявляется ее отличие от других как исторических, так и современных культур, по-видимому, так и осталась пожеланием. Не случайно следующее замечание Р. Аро-на: «Говорят, что его справедливо упрекали (в частности фон Шелтинг) в том, что все понятия наук о культуре под его пером превратились в идеальные типы»⁵³. Безусловно, это не так: там, где существует общий род и определенные термины могут быть подведены под него логически правильно и осмысленно, создание идеального типа излишне. Многие социологические понятия удовлетворительно определяются по родо-видовым признакам: миграция – перемещение в пространстве со сменой места жительства; занятость – наличие рабочего места; капитал человеческий – совокупность сущностных сил человека и т. д. Но есть понятия, такие как игра, здоровье, совесть, активность, сфера, реальность, виртуальность и др., которые таким путем образовать трудно, что, собственно, и побудило М. Вебера к созданию концепции идеального типа.

Этот способ, названный М. Вебером формообразованием понятий, трудно назвать определением, хотя он действительно устанавливает пределы и ограничивает термины друг от друга. Но это мысленная конструкция, созданная исследователем путем отбора, усиления и перекомбинации тех признаков изучаемого явления, которые он находит существенными, возможными и логически осмысленными.

Социологическая интерпретация воображения

Социологи, как и все другие ученые, творческие люди, с большим воодушевлением отзываются о воображении, видя в нем действительный творческий (божественный) дар. Так, английский философ Давид Юм (1711–1776), завершая свой «Трактат о человеческой природе», в котором, кстати, немало и социологического материала, писал: «От начала и до конца всей этой книги налицо весьма значительные претензии на новые открытия в философии; но если что и может дать автору право на славное имя *изобретателя*, так это то, что он применяет принцип ассоциации идей, который пронизывает почти всю его философию. Наше воображение обладает громадной властью над нашими идеями. И нет таких идей, которые отличались бы друг от друга, но которых нельзя было бы разъединять, соединять и комбинировать в любых вариантах»⁵⁴. В этом высказывании прекрасна мысль о работе воображения с идеями, особенно о возможности их комбинирования, благодаря чему и появляется новое знание. Что же касается преувеличенной роли ассоциаций, то еще Гегель, имея в виду Локка и Юма, заметил: «Различные способы связывания представлений *очень неточно* были названы *законами* ассоциации идей»⁵⁵. Говоря об огромной роли воображения в построении восприятий, русский мыслитель И. И. Лапшин (1870–1952) писал: «Истолкование природы какого-нибудь предмета предполагает соучастие воображения; нутро видимых вещей, внекругозорные представления (т. е. представления предметов, находящихся вне сферы непосредственного поля зрения), представление содержания чужой душевной жизни – все это осуществляется благодаря конструктивной работе воображения»⁵⁶. Заметим, что названные автором императивы конструктивного воображения в полной мере характерны и для социологии. Действительно, «нутро видимых вещей» само по себе не открывается наблюдателю – социологу. Еще К. Маркс подчеркивал: «Если бы форма проявления и сущность (“нутро”. – С. Ш.) вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишняя»⁵⁷. К тому же большинство социальных явлений (процессов) в их индивидуальной форме существования и протекания находятся вне поля непосредственного зрения, а значит, требуют оперирования представлениями о них в идеальном (мыслительном) плане. И конечно, понять чужую душевную жизнь можно только через представления, рождаемые эмпатией, сопереживанием, партиципацией (сопричастностью).

В творческом процессе можно выделить две стороны: преднамеренную и непреднамеренную. Первая характеризуется наличием цели, например защита диссертации;

она требует в основном рациональных действий, с участием побудительных эмоций и ценностных ориентаций, а также конвергенции психологических способностей, усвоенных знаний и когнитивных навыков, волевых усилий и т. д. в направлении достижения цели. Вторая сторона представляет собой свободную игру ассоциаций, произвольную комбинацию представлений, пробоование, фантазирование. Такая неупорядоченность оперирования представлениями вызывает непонимание, особенно в научной работе, где, как считают, важнее всего следовать определенной логической схеме. С подобными ограничениями трудно согласиться, хотя разумная мера полезна. Так, Г. Спенсер в «Автобиографии» писал: «Наклонность строить воздушные замки, надо полагать, считается вредной, однако я отнюдь не уверен в этом. В умеренной степени она мне представляется благотворительной. Ведь это *игра конструктивного воображения*, а без последнего нет завершения духовного развития. Я думаю, что во мне эта наклонность возникла из самопроизвольной активности духовных сил, которые в последующей жизни послужили средством к более высоким достижениям»⁵⁸. В устах Г. Спенсера эти слова особенно весомы. Из-за слабого здоровья он не посещал школу, занимаясь самообразованием, поэтому остался самоучкой, хотя еще при жизни благодаря высокой эрудиции, смелости суждений, оригинальности мышления был назван «английским Аристотелем». Г. Спенсер – один из немногих ученых, кто в «Автобиографии», названной им полушутливо «естественной историей самого себя», дал серьезную и достаточно подробную характеристику своего творческого процесса. Так, он детально, шаг за шагом описывает процесс выработки системы эволюции – от зарождения идеи, ее расширения, включения общества, анализа факторов и механизмов социальной эволюции, влияния Ж. Ламарка, К. Бэра и других авторов, мотивационных импульсов, публикаций и др. вплоть до рассуждений об ожидаемом будущем человечества. Этот рассказ весьма поучителен с точки зрения не поиска истинности или устарелых положений автора, а именно – обучения социологическому воображению. Становится понятным: Г. Спенсер не случайно сказал, что без конструктивного воображения невозможно завершение духовного развития, а с ним и стремление к более высоким достижениям.

Вторым классиком социологии, оставившим интересные воспоминания о своем творческом пути, является Талкотт Парсонс (1902–1979). В отличие от самоучки Г. Спенсера, Т. Парсонс получил престижное образование, учился не только в США, но и в Англии и Германии, стал профессором знаменитого Гарварда. Видимо, поэтому он не обращает внимания на те побочные влияния, которые fasciniровали (возбуждали) воображение Г. Спенсера, сосредоточившись на идейных истоках в своих поисках. В оригинале его публикация названа «От создания теории социальных систем к персональной истории», но предложенная русской редакцией «Интеллектуальная автобиография» стала более чем адекватной. Т. Парсонс не употребляет термин «воображение», но фактически имеет в виду его интеллектуальный уровень. Первоначальный – диссертантский – замысел состоял, по его словам, в том, чтобы «извлечь социологию А. Маршалла из его ортодоксального, или неклассического, подхода и проанализировать способ ее (социологии) соединения с его строго экономической теорией»⁵⁹. Далее Т. Парсонс скрупулезно вспоминает и перечисляет всех авторов, чьи идеи он использовал в своих разработках. «Книга “Структура социального действия”, – отмечает Т. Парсонс, – была представлена как исследование идей разных авторов о современном социоэкономическом порядке, капитализме, свободном предпринимательстве и т. д. и одновременно как анализ теоретической конструкции, на базе которой эти идеи и интерпретации формировались»⁶⁰. Среди этих авторов названы М. Вебер, Э. Дюркгейм, В. Парето, А. Маршалл; в другой работе Т. Парсонс добавляет: «не упуская из вида и Маркса»⁶¹. Парадокс в том, что исследование чужих идей, как бы оно ни переоценивалось, не может выйти за границы историко-социологического экскурса, в то время как работа Т. Парсонса приобрела несомненное теоретическое значение, несмотря на вызванные ею дискуссии и часто необоснованную критику. Почему и как это произошло? В автобиографии исчерпывающего ответа нет, в других работах Т. Парсонс доказывает, «что это нечто гораздо большее, чем эклектическое собрание не связанных между собой теоретических идей»⁶².

Не вдаваясь в содержание дискуссий, обвинений и оправданий (разъяснений) автора, отметим следующее. С точки зрения социологического воображения позиция Т. Парсонса логична и продуктивна. Да, он использует идеи предшественников или коллег, но не в качестве готовых выводов, что было бы если не плагиатом,

то эпигонством, а как материал своего воображения, которое обрабатывает представления – диссоциирует, комбинирует, прибавляет, синтезирует – так, чтобы выявить эмерджентные свойства и получить новое знание. Нет сомнения, что Т. Парсонс немало сделал для реализации данных целей. Это касается и расширения понятийного аппарата за счет новых терминов, и выявления некоторых скрытых проблем (социального порядка, устойчивости общества, интернализации и др.), и обоснования новых аналитических подходов и т. д. С особым удовлетворением Т. Парсонс говорит о схеме «переменных образцов ценностной ориентации». Он подчеркивает: «Моя книга “Социальная система”, помимо упорядочения ею общепринятой социологической мудрости, держалась на двух идеях, которые можно считать оригинальными. Первая нацеливала на прояснение отношений между социальными системами, с одной стороны, и психологической (или личностной) и культурной системами, с другой. Второй особенностью книги было обдуманно систематическое использование схемы переменных образцов в качестве главного теоретического каркаса для анализа социальных систем»⁶³. Оригинальность этих идей, авторство и значимость для социологической науки, кажется, никто не отвергает.

Отметим еще один малоизвестный факт биографии Т. Парсонса. Он рассказывает, как начал проходить официальный курс психоаналитического обучения. Психоаналитиком он не стал, да и заниматься врачебной практикой никогда не намеревался, тем не менее сделал вывод в форме инверсии представлений воображения. «Этот опыт, – пишет он, – помог мне “отучиться” от чрезмерного увлечения психоаналитическим уровнем рассмотрения человеческих проблем и, следовательно, стал своеобразным коррективом к воздействию первоначального чтения Фрейда и ранних этапов моего изучения медицинской практики»⁶⁴. Этот пример показателен как в плане отбора идей, так и их адекватного оценивания.

Заслуживает внимания и то, что Т. Парсонс в работе «Роль идей в социальном действии» выделил наряду с экзистенциальными и нормативными идеями также идеи воображаемые (*imaginative*), т. е. имагинативные. «Их содержание, – по его мнению, – относится к сущностям, которые не мыслятся существующими, и актер не чувствует обязанности их осуществлять»⁶⁵. В качестве примеров называются утопии или совершенно фантастические ситуации в романе. Вопрос о позитивной роли таких идей влечет за собой новые проблемы, выходящие за рамки работы. «Этот тип идей упомянут здесь лишь для завершения классификации»⁶⁶. Судя по этим словам, он не пытался эксплицировать продуктивное воображение, поэтому и свой творческий процесс он характеризует достаточно опосредованно.

В рамках заданной проблематики социологического воображения также достойны рассмотрения Э. Дюркгейм с его коллективными представлениями, В. Дильтей с его пониманием другого как сопереживанием, К. Маркс с его мысленным конструированием виртуального объекта в идеальной форме и др. Каждый социолог так или иначе – продуманно или стихийно – стремится развивать свое воображение. Однако рефлексивного анализа этого процесса не так уж много.

В этом плане нельзя не отметить известную работу Ч. Р. Миллса «Социологическое воображение» (1959). Не только потому, что это первый значительный труд с интригующим по тем временам названием, и не потому, что автор критически относился не только к социологическому истеблишменту, но и к другим его видам. Книга эта, по справедливому замечанию Г. С. Батыгина, «остаётся одной из классических работ по социологии»⁶⁷; вопреки критике, многие «воображения» Ч. Р. Миллса стали подлинной реальностью и, несмотря на прошедшие годы, ряд проблем сохраняет свою актуальность.

Применительно к данной теме можно отметить, что Ч. Р. Миллс, также как Спенсер и Парсонс, ведет рассказ о своих творческих поисках, но не в форме мемуаров, а как рефлексии над своей самой известной работой «Властвующая элита» с выходом на рекомендации молодым авторам. Подход Ч. Р. Миллса к социологическому воображению нельзя отнести к вполне стандартным. Так, он не пытается определить, дать понимание исследуемого феномена или найти аналогии в истории, привлечь знание из смежных наук, той же психологии. Вместо этого следует заявление: «Я намерен утверждать, что общественность – журналисты, артисты, ученые – начинают возлагать надежды на то, что можно назвать социологическим воображением»⁶⁸. Здесь есть недосказанность, метафоричность, которую автор не захотел или не смог преодолеть.

Оригинальность Ч. Р. Миллса состоит в том, что для него социологическое воображение не только *sine qua non* (необходимое условие) призвания и профессии социолога, но и базовый элемент культуры, способствующий успешному развитию общества. Именно поэтому он подчеркивает: «Посредством социологического воображения человек сегодня надеется понять, что происходит в мире и что происходит с ним самим – в точке пересечения биографии и истории общества»⁶⁹. Это глубокая гуманистическая мысль, но пока данная задача столь же трудно осуществима, как и во времена Ч. Р. Миллса. К сожалению, нельзя не признать оправданными те скептические прозрения в этой области, которые высказывал в свое время автор. «Думаю, – писал он, – что социологическое воображение становится главным знаменателем нашей культурной жизни и ее отличительным признаком. Однако отдельные индивиды и широкая общественность в сфере культуры овладевают им медленно и часто на ощупь; многие общественные деятели лишены его напрочь. Они как будто не подозревают, что без его развития и использования не удастся выполнить возложенную на них общекультурную миссию, возможность реализации которой коренится в классических традициях общественно-научных дисциплин»⁷⁰.

И сегодня актуальнейшей проблемой остается формирование социологического воображения как профессионалов, так и населения. В связи с этим обратимся к работе П. Штомпки «Формирование социологического воображения. Значение теории». Сама постановка проблемы (темы анализа) в высшей степени обязывающая, но вместе с тем и неоднозначная. Автор имеет в виду воображение студентов-социологов в период университетского обучения. Он отмечает: «В большой мере обучение социологическому воображению – синоним обучению социологической теории»⁷¹. Исходя из этой посылки, значительную часть своей статьи он посвятил анализу теории. Однако опыт показывает, что далеко не все «медалисты», отличники по курсу теории, проявляют в дальнейшем высокую проницательность и изобретательность, т. е. демонстрируют превосходство в социологическом воображении на деле. Поэтому многие преподаватели считают, что развивать воображение необходимо или с помощью специальных методик, о чем говорилось выше, или такой перестройкой учебных курсов, чтобы акцент был не на их запоминании, а на способности студента комбинировать, синтезировать, предлагать собственные, пусть и не самые лучшие, решения. Ведь слова А. Эйнштейна о том, что «фантазия выше знаний» – это не просто фраза, а обобщение трудного опыта научного поиска и нахождений. Думается, П. Штомпка против такого подхода не стал бы возражать.

Автор приводит следующее определение: «Социологическое воображение – это способность связывать все, что случается в обществе, со *структурным, культурным и историческим контекстом*, с индивидуальными и коллективными *действиями членов социума*, при понимании вытекающих отсюда разнообразия и различий социальных форм»⁷².

Возможно, такое понимание будет пригодным для «Большой социологической теории» или для исторической науки в понимании А. Тойнби, но вряд ли практикующий социолог в своем конкретном исследовании фрагмента социальной реальности сможет и захочет связывать все, что происходит в обществе, с определенным контекстом, объяснять это через действия, выделять разнообразие и различие форм. Все это полезно для формационных, цивилизационных, постэкономических и других глобализационных теорий, но они предмет изучения других наук – социальной философии, политологии, политической экономики и т. д. Социологическое воображение как оперирование чувственными и интеллектуальными представлениями отличают: 1) правильно организованная память, в том числе и на теоретические знания; 2) широта комбинационного поля; 3) дисциплинированная фантазия, т. е. способность придумывать неожиданные сочетания представлений; 4) подвижность элементов в комбинационном поле воображения; 5) стремление придумывать новое – изобретать, перекомбинировать, творить.

Большое сомнение вызывает заимствованная у Р. Мертон идея «дисциплинированного эклектизма». П. Штомпка утверждает: «Это следует внушать студентам-социологам... как свободу от одностороннего догматизма»⁷³. Но давно известно, что эклектизм (в любых обертках) не лучше догматизма. А чтобы научить студентов, образно говоря, нанизывать разрозненные куски на один шампур, требуется не воображение, а усидчивость, ибо воображение перекомбинирует все это в некоторую целостность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ¹ Психологический словарь. М., 1983. С. 54.
- ² См.: Тойнби А. Постигание истории. М., 1991.
- ³ Знамя, 1990, № 2. С. 175.
- ⁴ Андреев Д. Л. Роза Мира // Новый мир. 1989. № 2. С. 179.
- ⁵ Джимбинов С. Предисловие к «Розе Мира» // Новый мир. 1989. № 2. С. 177.
- ⁶ См.: Андерсон Т. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001 ; Балакришнан Г. Национальное воображение // Нации и национальности. М., 2002.
- ⁷ Кант И. Собр. соч. : в 6 т. М., 1966. Т. 6. С. 409–410.
- ⁸ Мудрость тысячелетий. М., 2005. С. 796.
- ⁹ См.: Аристотель. Аналитики первая и вторая. М., 1952. С. 248.
- ¹⁰ См.: Миллс Ч. Р. Социологическое воображение. М., 2001. С. 3.
- ¹¹ Лапшин И. И. Философия изобретения и изобретение в философии. М., 1999. С. 91.
- ¹² Миллс Ч. Р. Цит. соч. С. 222.
- ¹³ Там же. С. 254.
- ¹⁴ См.: Кант И. Собр. соч. : в 6 т. М., 1966. Т. 6. С. 402.
- ¹⁵ Маркс К. Капитал : в 3 т. М., 1956. Т. 1. С. 4.
- ¹⁶ Лапшин И. И. Цит. соч. С. 91.
- ¹⁷ Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Собр. соч. : в 6 т. М., 1966. Т. 6. С. 410.
- ¹⁸ Маркс К. Капитал : в 3 т. М., 1956. Т. 1. С. 185.
- ¹⁹ Кант И. Собр. соч. : в 6 т. М., 1966. Т. 6. С. 402.
- ²⁰ Кант И. Собр. соч. : в 6 т. М., 1966. Т. 5. С. 190.
- ²¹ Кант И. Собр. соч. : в 6 т. М., 1966. Т. 6. С. 402.
- ²² Там же. С. 404.
- ²³ Там же. С. 403.
- ²⁴ Там же. С. 412.
- ²⁵ См.: Кант И. Критика чистого разума. М., 2006. С. 341.
- ²⁶ Einstein A., Infeld L. The Evolution of Physics. N. Y. 1938 ; Маслоу А. Г. Мотивация и личность. М., 2001. С. 369.
- ²⁷ Кант И. Собр. соч. : в 6 т. М., 1966. Т. 6. С. 411.
- ²⁸ Там же. С. 410.
- ²⁹ Там же. С. 411.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. С. 412.
- ³² Там же. С. 418.
- ³³ Там же. С. 419.
- ³⁴ Там же. С. 420.
- ³⁵ Там же. С. 421, 422.
- ³⁶ См.: Аргументы и факты. 1 окт. 2014. С. 40.
- ³⁷ Кант И. Собр. соч. : в 6 т. М., 1966. Т. 6. С. 422.
- ³⁸ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 394.
- ³⁹ Гегель Г. Ф. Работы разных лет : в 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 186.
- ⁴⁰ См.: Психологический словарь / под ред. В. В. Давыдова [и др.]. М., 1983. С. 34.
- ⁴¹ Арон Р. Избранное: введение в философию истории. М., 2000. С. 156.
- ⁴² Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 388.
- ⁴³ Там же. С. 392.
- ⁴⁴ Там же. С. 393.
- ⁴⁵ Войшвилло Е. К., Дегтярев М. Г. Логика. М., 1994. С. 204.
- ⁴⁶ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 393.
- ⁴⁷ Там же. С. 389.
- ⁴⁸ Арон Р. Цит. соч. 2000. С. 158.
- ⁴⁹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 624.
- ⁵⁰ Там же. С. 624.
- ⁵¹ Там же. С. 399.
- ⁵² Там же. С. 392.
- ⁵³ Арон Р. Цит. соч. 2000. С. 158.
- ⁵⁴ Юм Д. Сочинения : в 2 т. М., 1966. Т. 1. С. 809–810.
- ⁵⁵ Гегель Г. Ф. Цит. соч. С. 186.
- ⁵⁶ Лапшин И. И. Цит. соч. С. 103.
- ⁵⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. С. 384.
- ⁵⁸ Спенсер Г. Автобиография. Киев, 1906. С. 290 ; цит. по: Лапшин И. И. Указ. соч. С. 93.

- ⁵⁹ Парсонс Т. Интеллектуальная автобиография // Социолог. журнал. 1995. № 2. С. 75.
⁶⁰ Там же. С. 76.
⁶¹ Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. С. 21.
⁶² Там же. С. 22.
⁶³ Парсонс Т. Интеллектуальная автобиография // Социолог. журнал. 1995. № 2. С. 94, 95.
⁶⁴ Там же. С. 89.
⁶⁵ Парсонс Т. Указ. соч. 2002. С. 539.
⁶⁶ Там же.
⁶⁷ Батыгин Г. С. Предисловие к книге Ч. Р. Миллса «Социологическое воображение». М., 2001. С. 7.
⁶⁸ Миллс Ч. Р. Социологическое воображение. М., 2001. С. 9.
⁶⁹ Там же. С. 12.
⁷⁰ Там же. С. 19.
⁷¹ Штомпка П. Формирование социологического воображения. Значение теории // Социолог. исслед. 2005. № 10. С. 65.
⁷² Там же. С. 65.
⁷³ Там же. С. 71.

Поступила в редакцию 25.11.2014.

УДК 327.57

И. И. АНТОНОВИЧ,
 ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МОСКВА)

АМЕРИКАНО-РОССИЙСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В ПЕРСПЕКТИВЕ ГЛОБАЛЬНОГО РАВНОВЕСИЯ

Отмечается, что после распада СССР сложилась глобальная ситуация, полезная для развития мирного международного сотрудничества, создания нового миропорядка, основанного на общности интересов и взаимозависимости.

Однако США использовали эту уникальную историческую возможность для оказания воздействия на мировые события таким образом, чтобы они полностью отвечали их национальным интересам, США стали инициатором и спонсором многих мировых конфликтов. РФ оказалась пока единственной страной, которая противостоит этому международному давлению, призывая Запад и Восток к большому взаимопониманию. Это объясняет политику США с использованием возможностей «мягкой силы», не исключая при этом и применения «твердой силы» против России для нарушения глобального равновесия в своих интересах.

Ключевые слова: глобальное равновесие; «мягкая сила»; «твердая сила».

The falling of the Soviet Union created a global situation that could be useful for developing peaceful international co-operation and creating a new world order based on common interests and interdependence.

However, the United States made use of this unique historic opportunity in order to impose its influence on the world events in the way that they could fully comply with the US national interests. With this intention the US became an initiator and sponsor of the world conflicts. The author states that the Russian Federation turns out to be the only major country that is countering this international power, calling the West and East for a more extended international corporation and mutual understanding. It explains the US policy of «soft power» which does not exclude the threat of using «hard power» against the Russian Federation to break the global equilibrium for the sake of their national interests.

Key words: global equilibrium; soft power; hard power.

Экономический кризис, начавшийся в 2008 г., по интенсивности был разрушительнее, чем Великая депрессия 1930-х гг. Как результат – существующая система международных отношений, основанная на равновесии противодействующих сил, сдержках и противовесах международного права, рушится буквально на глазах. Все эти годы главным инициатором военных действий и следующего за ними политического хаоса, мировой и экономической разрухи были Соединенные Штаты Америки, неизменно принуждающие своих союзников действовать в фарватере их политики. В результате сегодня социальной разрухой охвачена практически вся Африка, в состоянии разрушительного хаоса погружается весь Ближний Восток, жестокая гражданская война на Украине нарушает экономическое равновесие и баланс